

УРАЛЬСКИЙ РЫЦАРЬ СИМВОЛИЗМА: СЛУЧАЙ С. В. ВИНОГРАДОВА

Маштакова Л. В.

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

А н н о т а ц и я. Модернизм и модернистские тенденции в творчестве локальных авторов – одна из проблемных малоизученных областей в истории литературы Урала рубежа XIX–XX вв. Модернизм традиционно считается не самым значительным явлением для уральской литературы, однако пристальное внимание к его наиболее активным сторонникам среди поэтов, писателей, журналистов и критиков доказывает обратное. Настоящая статья посвящена творческому пути, художественно-эстетическим взглядам и литературным контактам известного уральского публициста, критика и поэта-символиста Сергея Васильевича Виноградова (1878–1930). Через исследование литературных дискуссий в региональной прессе и анализ критических статей определяется место и роль Виноградова в становлении уральской литературы начала XX в. Уделяется внимание его пониманию символизма в соотношении с парадигмой «народнического» реализма, который он активно критиковал в своих статьях. Доказывается, что символизм Виноградова имел не философско-эстетические основания, но проистекал из тех же укрепившихся в региональной литературе задач просвещения и «социальности».

Особое место уделяется взаимоотношениям Виноградова с современниками, в частности с Ф. Сологубом, чье творчество стало для него художественным ориентиром. В приложении к статье впервые публикуется полный текст письма Виноградова Сологубу от 27 октября 1916 г. (их личное знакомство состоялось во время гастролей Сологуба по Уралу в 1916 г.). Строки этого письма выступают доказательством тех сложных печальных, прежде всего, условий, в которых развивался модернизм в регионе. При этом зачастую именно газеты, выступая с критикой модернизма, брали на себя функцию транслятора «общественного мнения», тогда как интерес к нему в широкой читательской аудитории был силен и устойчив вплоть до конца Гражданской войны. Творчество Виноградова, количество публикаций его статей и декантских миниатюр на страницах екатеринбургских газет и журналов, их идейно-тематическая, сюжетная и образная однородность являются одним из доказательств того, что модернизм для уральской литературы – явление недооцененное. Художественное и критическое творчество Виноградова – один из немногих случаев смелого, самостоятельного, подкрепленного эрудицией высказывания писателя, поэта и критика-символиста, выросшего из лево-демократического ядра газетной литературы.

Ключевые слова: модернизм; региональная литература; уральская литература; уральские поэты; литературное творчество; символизм; литературные направления.

Благодарности: работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-6131.2021.2. «Творческое наследие уральских поэтов и писателей в контексте исторических вызовов рубежа XIX–XX вв.».

Для цитирования: Маштакова, Л. В. Уральский рыцарь символизма: случай С. В. Виноградова / Л. В. Маштакова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 133-146.

A URALS KNIGHT OF SYMBOLISM: THE CASE OF SERGEY V. VINOGRADOV

Liubov V. Mashtakova

Institute of History and Archaeology UB RAS (Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9664-6110>

Abstract. Modernism and modernist tendencies in the creative activity of local authors is one of the understudied areas in the Urals literature history at the turn of the 19th and 20th centuries. Modernism is considered to be an insignificant literary movement in the Urals literature. However, detailed attention to his most active supporters among poets, writers, journalists and critics proves the opposite. This article is devoted to the creative heritage, artistic and aesthetic views and literary contacts of the famous Ural publicist, critic and poet-symbolist Sergei Vasilyevich Vinogradov (1878–1930). Through the analysis of literary discussions in the regional press and the analysis of his critical articles, the place and role of Vinogradov in the formation of the Urals litera-

ture of the early 20th century is determined. Special attention is paid to his understanding of symbolism in relation to the paradigm of the realism of the “populists” (narodniks), actively criticized in his articles. The author argues that Vinogradov’s symbolism did not have a philosophical and aesthetic foundation but stemmed from the same tasks of education and “sociality” that had become entrenched in regional literature.

Particular attention is paid to Vinogradov’s relationship with his contemporaries, in particular with F. Sologub whose works became a guiding star for him. For the first time, the appendix to the article contains the full text of Vinogradov’s letter to Sologub dated October 27, 1916 (their personal acquaintance took place during Sologub’s tour of the Urals in 1916). This letter is a proof of the difficult conditions in which modernism developed in the Urals. At the same time it was often newspapers that, criticizing modernism, had assumed upon themselves the function of translating “public opinion”, while interests in it among the readers was strong and stable until the end of the Civil War. Vinogradov’s heritage, the number of publications of his articles and decadence feuilletons (or prose miniatures) in Ekaterinburg newspapers and magazines, their ideological, thematic, plot-driven and imagery homogeneity are proofs that modernism is an underestimated movement in the Urals literature. Vinogradov’s literary and critical work is one of the cases of a bold, self-sufficient, erudite statement by a writer, poet and symbolist critic who grew out of the left-democratic core of regional newspaper literature.

Key words: modernism; regional literature; Urals literature; Urals poets; literary creative activity; symbolism; literary trends.

Acknowledgments: the given research has been carried out with financial support of the Grant of the President of RF for young scholars-candidates of sciences MK-6131.2021.2. *The Literary Heritage of the Urals Poets and Writers in the Context of Historical Challenges at the Turn of the 19th and 20th Centuries.*

For citation: Mashtakova, L. V. (2022). A Urals Knight of Symbolism: The Case of Sergey V. Vinogradov. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 133-146.

Глобальные процессы рубежа XIX–XX вв., повлиявшие на формирование массового читателя и рост популярности ежедневной газеты [Власова 2016], для региональной уральской литературы совпали с поиском идентичности, переформатированием связанных с Уралом и Сибирью культурных смыслов, складыванием своего круга классиков. Значительную роль в этих процессах сыграло запоздалое влияние на местные литературы модернизма. Дискуссии той поры часто строились вокруг новых течений, на противостоянии новаторства и культурной инерции. Так, например, в конце 1910-х гг. большой резонанс вызывали полемические суждения редактора томской газеты «Утро Сибири», социал-демократа В. Е. Воложанина, который писал о том, что «уродливый» модернизм в Сибири «не встретил широкого сочувствия» [Воложанин 1912]. Такая точка зрения действительно была преобладающей в урало-сибирской прессе с той же или меньшей степенью радикализма. Современные исследователи уральской литературы И. Е. Васильев и М. А. Литовская отмечают сдерживающий для развития модернизма фактор прессы: «Массовая журналистика, будучи носителем общественного “здорового смысла”, во многом препятствовала освоению новых художественных

форм. <...> В результате в культурном пространстве Урала долгое время доминировала эпигонская литература, преимущественно народнического типа, отодвигавшая проявления модернистской эстетики» [Васильев, Литовская 2011: 29].

Показательными событиями для этого периода стали гастроли по большим и малым городам Урала и Сибири столичных символистов Ф. Сологуба и К. Бальмонта в 1915–1916 гг. Вызвав волну критики, осуждения и сарказма в местной литературной и околосредовой среде, они высветили те сложные условия, в которых существовали близкие модернизму локальные авторы и критики, выступавшие на стороне модернистов. И. С. Ушакин, редактор новониколаевской газеты «Алтайское дело», жаловался в письме Ф. Сологубу: «Беда в том, что большинство “жильцов” нашего града не доросло еще до степени свободного понимания живого слова наших писателей. С грустью, это же можно сказать и про большинство городов Сибири» [РО ИРЛИ РАН. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 884. Л. 60]¹.

Однако газеты не всегда отражали настоящую картину событий. В том же письме Сологубу И. С. Ушакин писал:

¹ Далее следуют ссылки на данный фонд и опись с указанием ед. хр. и листа.

«Местная пресса, к сожалению, вытесняет самую суть лекции и выносит, главным образом, <...> партийную тенденцию» [Там же]. Обилие нападок на авторов-модернистов, оторванных, по мнению критиков, от жизни и не отвечающих запросам общества, не означало отсутствия к ним интереса со стороны читательской аудитории. Вечера декадентского искусства, проходившие в том числе на площадках гимназий, интерес к современной поэзии и драматургии, к произведениям Л. Андреева и М. Арцыбашева [Карташова 2019: 191], заполненные залы на лекциях и диспутах свидетельствуют о живой жизни модернистских идей в провинции.

Среди критиков и публицистов модернизм находил своих сторонников гораздо меньше, и сама сложившаяся литературная ситуация, таким образом, ставила их в оборонительную позицию, подсказывая расхожий образ рыцаря, сражающегося за свои идеалы. В екатеринбургской печати таким поборником нового направления в искусстве стал публицист, критик, журналист и поэт Сергей Васильевич Виноградов (1878–1930), «женственно-чуткий, светлый рыцарь Поэзии», «единственно честный критик», как писал о нем В. Каменский [Каменский 1918: 201].

Сергей Васильевич Виноградов (NOVUS, NULLUS, С. В., Нина Иванова) начал публиковаться в 1898 году: это была научная статья о ледниковом периоде (Виноградов С. Ледяная эпоха // Рудокоп. 1898. № 225. 18 октября). Первые литературно-критические его заметки относятся к 1905 г., времени сотрудничества с газетой «Урал». До 1910–1911 гг. он был штатным фельетонистом «Пермских губернских ведомостей», а на 1910–1917 гг. приходится его плодотворное сотрудничество с екатеринбургской газетой «Уральская жизнь». В этих изданиях он вел литературные рубрики, делал обзоры, рецензии, публиковал рассуждения «на злобы дня», собственные стихи и декадентские фельетоны (по определению автора, «миниатюры»). В «белом» Екатеринбурге он продолжил печатать художественные произведения в журнале «Лесное эхо», а с начала 1920-х гг. состоял штатным сотрудником газеты «Уральский рабочий» и журнала «Товарищ Терентий», занимаясь по большей части корректорской работой [Голдин, Жу-

равлева 2016: 84-85].

С самых первых своих публикаций Виноградов занял в оценке окружающей действительности лево-демократические позиции, продвигая идеи кардинального переустройства жизни. Его взгляды на образование, медицину, экономику, культуру, политику наиболее полно отразила авторская колонка «Аккорды жизни» в газете «Уральская жизнь» – эмоциональные и бескомпромиссные статьи на самые острые темы актуальной повестки. Но обличение не было его главной задачей: в каждой конкретной проблеме (будь то женский вопрос, эпидемия самоубийств, массовая безграмотность, цензура) он пытался найти ее истинные причины, за каждым конкретным случаем пытался увидеть общие закономерности. Так, например, в статье о цензурном запрете «Героической симфонии» Бетховена и «Сказания о граде Китеже» Римского-Корсакова он рассуждал не о несправедливости запретов, а о чрезмерной опеке государства над художником и над своими гражданами [Виноградов 1912, 13 нояб.]. В другой статье он раскритиковал решение земств ввести телесные наказания за хулиганство и, апеллируя к винной монополии и отсутствию поддержки народников в деревне, заключил: «Исцелить большую русскую действительность <...> – этого достигнет лишь планомерная работа по оздоровлению и изменению самого фундамента русской жизни» [Виноградов 1912, 19 дек.].

Его суждения о современной литературе стали продолжением его статей на «злобы дня», не тематическим, но стратегическим. Чуткое журналистское прислушивание к актуальной новостной повестке сделало Виноградова-поэта, на наш взгляд, чутким и к новым литературным направлениям, новым формам в искусстве, которых требовала, по его мнению, меняющаяся жизнь, а постоянный поиск причин и следствий, взгляд в глубину проблемы привели его к символизму. Т. Н. Масальцева справедливо замечает, что на художественно-эстетических вкусах Виноградова сказались идеи Вл. Соловьева и концепция «реалистического символизма» Вяч. Иванова [Масальцева 2006: 144], но понятия, как нам видится, не религиозно-мистические, а прогрессистские: как стремление в творческой

мысли «прорываться в иные возможности человеческого разума и духа» [Там же]. Так, в 1909 г. в литературном обзоре на страницах «Пермских губернских ведомостей» он рассуждал: «Человечество истомилось, отыскивая эти пути, но оно рано или поздно, найдет их <...>. Мистика! – скажет читатель. Но не станем бояться слов: мистицизм – законное наследие человеческого духа. И нужно приветствовать, что часть русской литературы, несмотря на насмешки и инсинуации врагов, встала на эту дорогу и идет по ней. Что, в самом деле, лучше: пошлое, выродившееся санинство, сдобренное политикой, или мистические грезы о потусторонней любви? Но первое – реальность – слышу я возражения, а второе – сплошная фантазия, иррациональный плод человеческого ума. Еще немного, и каждый из нас убедится, так это или нет» [Цит. по: Масальцева 2006: 149]. В приведенном отрывке показательно, что Виноградов отвергает декадентский натурализм, он чужд провокационным темам. Но и мистика, какой он ее видит, часто сводится к слову «мечта», «греза», в его статьях не найти цитат из трудов Вл. Соловьева или статей Вяч. Иванова, которые выходили в то же время на страницах «Русской мысли» (обзоры в «Пермских губернских ведомостях» свидетельствуют о том, что он был, разумеется, как критик с этим журналом знаком). Талант журналиста и литературного критика указывал ему на несоответствие между современной жизнью и довлеющим в литературе реализмом в народническом ключе, не могущим более ни просветить, ни исправить своего читателя. Новое искусство представлялось ему противоположным старому, но через новые формы, через «расширение художественной впечатлительности» выполняющим задачи преобразования социально и духовно «темной» современной жизни. Отталкиваясь от классического реализма, он продолжает находиться в русле региональной литературы, когда, как пишут И. В. Козлов и Е. К. Созина, «тенденции просветительства и социальности, в эпоху “столичного” Серебряного века ставшие архаическими и даже смешными, в регионах были по-прежнему сильны» [Козлов, Созина 2008: 27]. Символистское произведение в интерпретации Виноградова, таким образом, становится значимо формально и

содержательно, однако оставалось без своей внутренней формы – символа, делавшего в конечном счете символистское искусство «теургическим». Пересоздание жизни «в духе» через символ, символистское «миропонимание» (А. Белый) и переустройство жизни на почве народнической идеи, облаченной в новую образность, – эти фундаментальные различия между символизмом, каким его видел Виноградов, и символизмом, каким его видели его «законодатели», сделали уральского критика более реалистом и даже более декадентом, чем последовательным приверженцем исповедуемых им идей. Статьи Виноградова, таким образом, – это не символистская критика в чистом виде, а, по выражению В. В. Абашева, «адаптированный вариант эстетической символистски ориентированной критики» [Абашев 2013: 181].

Взаимосвязь реальной жизни с ее «злобами дня» и реалистического искусства в эстетической картине мира Виноградова была очень точно и экспрессивно определена им в ответных статьях 1915–1916 гг. редактору челябинской леволиберальной газеты «Голос Приуралья» А. Г. Туркину. Вторя томскому публицисту В. Е. Воложанину, Туркин писал в своей статье о приезде в Челябинск символистов Бальмонта и Сологуба: «Народу нужны – как никогда кажется – лекторы, учителя жизни – **понятные, родные**, по замыслам, по устройству жизни русской <...>. Лекторы изящных переживаний, поэтических снов, им одним известных, туманных “вольностей” и “возможностей” “творимых легенд” – являются еще слишком **нарядными** для народного понимания (выделения и пунктуация автора – Л. М.)» [А. Т. 1916]. Споря с Туркиным, Виноградов осознавал поворотность, переломность и стремительные изменения жизни («Человечество переживает мучительный перелом, период страстных исканий» [Виноградов 1912, 28 апр.]) и убеждал читателя в необходимости нового искусства. Оно должно было, по его мысли, воплотить не насущное современное, но вечное: «Господа Туркины не видят в жизни ничего, кроме исправников, земских начальников, мужиков и интеллигентов – врачей и акушеров, служащих в земстве, – у них, этих последышей реализма, неизлечимых дальтоники, отсутствует внутрен-

нее зрение, позволяющее рассмотреть за видимую внешностью – скрытое невидимое, за преходящим – вечное» [Виноградов 1916, 15 мая]. «Дальтонизм» в случае с искусством – это сужение палитры, но не смена предмета. За обвинительным тоном ответа Туркину – емкое определение реализма по Виноградову: видеть за вещным – вечное, от вещного не отказываясь. Пропаганду такого художественного метода он и видел своей задачей как критик.

«Реалистический символизм» (а в этом случае, скорее, «символистский реализм»), понятый Виноградовым (или подаваемый, согласно задачам региональной прессы) купировано, повлиял на то, с одной стороны, что он не оценил А. Белого, чьи сборники «Урна» и «Пепел» находил нелепыми, искусственными, темными и непонятными¹. С другой стороны, дал ему возможность шире взглянуть на отвергаемый им классический реализм. Так, в своих статьях разного времени он высоко поставил творчество Горького, Короленко, Сергеева-Ценского, «русского Бодлера» Некрасова. И. В. Козлов, исследователь творчества Виноградова, прослеживая эволюцию его взглядов от реализма к символизму, приводит в пример две статьи о Вересаеве с полярными замечаниями: советом писателю пристальнее взглянуть на современную жизнь в 1905 г. [Виноградов 1905] и упреком в фотографировании отрицательной действительности в статье 1917 г. [С. В. 1917]. «На основе этого сопоставления, – пишет исследователь, – можно предположить, что в середине 1900-х гг. взгляды Виноградова-критика еще не сформировались достаточно четко – говоря о целях и задачах писательской работы, он воспроизводил традиционное для литературной критики своего времени клише. Позже, в середине 1910-х гг., его точка зрения кардинально изменилась» [Козлов 2016: 370-371]. Однако в свете сказанного выше суждения Виноградова не противоречат друг другу. «Пристальный» взгляд на реальность – значит взгляд именно вглубь, а не поверхностную детализацию изображения. «Пусть он (Вересаев – Л. М.) попристальнее посмотрит на современную жизнь, может быть, он увидит

там нечто иное, нежели марксистское “поветрие”» [Виноградов 1905, 14 июля], – пишет в своей рецензии 1905 г. Виноградов. Ключевое слово здесь – «поветрие», то есть незначительное внешнее, преходящее явление по сравнению с глубинными изменениями жизни и влияющих на нее факторов. Поэтому если говорить об эволюции взглядов Виноградова и его приходе к символизму, на наш взгляд, это стало для него результатом не смены художественно-эстетических идеалов, а постепенного приведения их в соответствие с наиболее подходящим литературным направлением. Демократическим и гуманистическим взглядам, с которыми он приходит в печать, он не изменяет на протяжении всего своего карьерного пути.

Постепенно, как и обращение к символизму, в его творчестве складывается романтический образ поэта-рыцаря «с обломком копья в руке», прозревающего истины, несущего эти истины в мир, но осмеянного обществом. Этот образ сопровождает произведения, стиливо и жанрово различные. В фельетоне «В Пасхальную ночь» (1912) на могиле возлюбленной герой представляет себя «рыцарем без страха и упрека», который «изломал копье», за мечту сражаясь [Виноградов 1912, 25 мар.]. Что конкретно подразумевается под «светлой мечтой» – неясно, ясно лишь, что олицетворяет ее идеальный образ героини. Этот мотив раскрывается в других произведениях через связанные с ним мотивы: будущее счастье, заря, грядущая новая жизнь. Так, в статье «Морис Метерлинк» (1912) это «счастливая звезда», ожидающая нас», а также время, когда «будет побеждена смерть, а любовь из темной, часто гибельной стихии превратится в лучезарные потоки света» [Виноградов 1912, 1 авг.]. Провозвестником мечты для него становится бельгийский писатель-символист. Его произведения – «солнце нового искусства», топящее «льды равнодушия» и оставляющее позади устаревшее «позитивистическое» искусство [Там же]. Здесь звучит важный для Виноградова мотив: «новая жизнь – новое искусство».

Очевидно, что и себя он видит не только поборником символизма, но поэтом, воплощающим символистские принципы в своем творчестве. В письме Ф. Сологубу

¹ См.: [Масальцева 2006: 151-152].

1916 г., описывая литературную ситуацию на Урале, он примеряет собственный образ рыцаря из статей и фельетонов-миниатюр: «Я устал и кажусь себе рыцарем с обломком копья в руке. Оглядываюсь – одни лица врагов. Нет даже на руке шарфа Прекрасной Дамы, за которую я бился всю жизнь» [Ед. хр. 136. Л. 1]. Под Прекрасной Дамой здесь в контексте письма, фельетонов и статей Виноградова понимаются и его гуманистические идеалы, и эстетические ориентиры, и, собственно, образ идеальной возлюбленной, сопровождающий большинство его художественных произведений. Этот вывод можно сделать, обратив внимание на неизменность патетического тона и стиля письма Виноградова Сологубу в сравнении с его газетными публикациями, что свидетельствует о целостности его мировоззрения при учете разных творческих интересов (хотя возможно и то, что в его представлении письмо мэтру и не должно было писаться как-то иначе).

Жанром, вполне отвечающим художественным предпочтениям Виноградова, с одной стороны, с другой – соответствующим пропагандистским целям поборника символизма на страницах газет, стала прозаическая миниатюра¹. Миниатюры Виноградова продолжали традицию газетного фельетона, были удобны для публикации ввиду своего небольшого размера и при этом вписывались в традицию малой прозы русских символистов.

Каждая миниатюра Виноградова представляет собой сюжетную вариацию на темы встречи / невстречи героя с идеальной возлюбленной, рыцарского служения высокому идеалу, любви к умершей возлюбленной и т. д. В центре миниатюры, как правило, герой – мужчина, глубоко чувствующий чужое страдание, часто поэт или журналист. Герой и героиня могут не встречаться, но обязательно «чувствуют душой» друг друга, героиня, что характерно для символистского произведения, является герою во сне, посылает знаки в окружающей его реально-

сти и т. д. Так, в «Рождественских огнях» герой замечает улыбку незнакомой дамы, которая оказывается миражом [Виноградов 1912, 25 дек.], то же – в фельетоне «Новое счастье» [Виноградов 1913, 25 дек.]. В миниатюре «В Пасхальную ночь» герой, редактор газеты, едет к девушке, которую любил, и по приезду узнает о ее смерти. Звуки пасхальной службы уверяют его во имя любви стать «неподкупным паладином светлой мечты» [Виноградов 1912, 25 март.]. К тем же раздумьям подталкивает самоубийцу явление образа возлюбленной и звон Рождественской службы в миниатюре «Две тени» [Виноградов 1913, 25 дек.]. В «Белых цветах» [Виноградов 1912, 5 мая] герой умирает от туберкулеза и ждет приезда возлюбленной. Вероятно, миниатюры публиковались Виноградовым не только «по вдохновению», но и по случаю: к Пасхе, Рождеству, Дню белого цветка² и т. д. Сюжет с небольшими изменениями оставался одним и тем же. В наиболее мрачном варианте сюжета героиня предстает в облике Смерти («Она пришла» [Нина Иванова 1914, 18 апр.], «Той, что приходит ко всем» [Виноградов 1918]). Вариации – шансонетная певица, кончающая жизнь самоубийством [Виноградов 1913, 20 сен.], холодная красавица, своим отказом подталкивающая героя к самоубийству [Виноградов 1913, 25 дек.] и незнакомка с «жутким мраком темных глаз», которую убивает герой «Красных ландышей» [Нина Иванова 1914, 15–19 янв.].

Повторение сюжетно-фабульной основы миниатюр на протяжении нескольких лет из номера в номер не могло быть ненамеренным, потому событийная рамка у Виноградова, говоря словами Ю. Н. Тынянова, стерта, а на первый план выходят акцентированно компилятивные художественные образы героя и героини. Эти образы переходят из миниатюры в миниатюру, но одновременно они развиваются вширь, наращивая свой потенциал за счет отсылок к широкому кругу авторов, в том числе за счет активно используемых автором прямых цитат. Каждая миниатюра,

¹ И. В. Козлов справедливо определяет эти небольшие по объему произведения как стихотворения в прозе [Козлов 2016], мы же только следуем за авторской номинацией, впрочем, лишенной четкой логики: те же миниатюры в нескольких случаях названы Виноградовым рассказами и фельетонами.

² Ежегодный День белого цветка проводился в Екатеринбурге с целью сбора пожертвований на борьбу с туберкулезом. Участники акции продавали цветы, читали публичные лекции, этому дню посвящались службы в храмах.

как референтный текст, объединяет В. Жуковского и З. Гиппиус, Е. Баратынского и Т. Щепкину-Куперник и сама включается в поле гомогенного, как бы «истинно-символистского» дискурса; создается единый символистский претекст, выкроенный, как бы то ни было, под запросы провинциального читателя ежедневной газеты, то есть синхронически сложный, но упрощенный семантически.

Стратегия игры с претекстом и даже плагиата восходит в данном случае к художественным исканиям, собственно, русского символизма начала века [Ханзен-Леве 1999], но в творчестве Виноградова она еще и нарочито тенденциозна. Она становится не только основным инструментом его художественного языка, но и решает несобственно-художественные задачи, такие как расширение читательского горизонта, формирование литературного вкуса и, наконец, повышение интереса публики к определенным авторам.

Так, например, героиня Виноградова, как правило, обладает густыми волосами и мраморной кожей. В миниатюре «Белые цветы» умирающий герой ждет свою идеальную нежившую возлюбленную – «Бетриче, с загадочным взглядом, “под шлемом тяжелым душистых волос”» [Виноградов 1912, 5 мая]. Цитата взята из известного стихотворения Бодлера «Я эту ночь провел с еврейкою ужасной...» в переводе П. Ф. Якубовича [Бодлер 1909: 98]. Этот образ появляется почти во всех миниатюрах: «Мрамор лица выступал резко, окруженный нимбом роскошных черных волос» [Нина Иванова 1914, 15-19 янв.]; «не целовать мрамора дорогих рук» [Виноградов 1912, 25 март.]; «мрамор плеч», «тяжелая корона пышных волос» [Виноградов 1913, 25 дек.].

«Мраморная» женщина с густыми волосами неизбежно вызывает целый ряд ассоциаций с архетипической «прекрасной еврейкой» [Фельдман, Минкина, Кононова 2008] и, в особенности, с inferнальной стороной этого образа, со второй половины XIX в. закрепившейся в русской литературе благодаря «таинственным повестям» Тургенева. Преодолев свое «эмпирическое» [Пумпянский 1929] качество, «прекрасная еврейка» переходит в эпоху fin de siècle, в которой не важно, откуда появился локон черных волос в руке Аратова, но

важно, какой на госте был костюм. Так, Лидия Ротштейн, Лилит, в «Красногубой госте» (1909) Сологуба имеет «Туалет черный, парижский, в стиле танагр, очень изящный и дорогой. Духи необыкновенные. Лицо чрезвычайно бледное. Волосы черные, причесаны, как у Клео де Мерод» [Сологуб 1912: 136]. Так и Виноградов в своих миниатюрах детализованно выписывает своих героев и окружающий их интерьер: шелк кофточки, тонкое белье, кресло в стиле modern и т. д. Здесь, конечно, теряется «русский ориентализм» архетипической героини, но черты внешности и inferнальная сторона образа сохранены. Так, на уровне сюжета и на мотивно-образном уровне, через многочисленные цитаты и реминисценции Виноградов развивает ситуацию любви к мертвой возлюбленной в ее романтическом [Зырянов 2000] и декадентском изводе.

Очевидно, что художественный стиль миниатюр Виноградова сформировался под влиянием поэзии и малой прозы Ф. Сологуба, которого он сам называл своим учителем [Ед. хр. 136. Л. 3.]. Только в одной из миниатюр (без названия, в рубрике «Аккорды жизни») упомянуты сразу три разных текста мэтра. В дорогой гостинице певица шансонеток решает покончить с собой, и все вокруг шепчет ей строки из стихотворений «Пойми, что гибель неизбежна» и «Не надейся, не смущайся...». Героиня разочаровывается в любви и доверяется демону с «улыбкой странно-длительной» (В. Брюсов, «Демон самодубия», 1910). Повествователь резюмирует, апеллируя к рассказу Сологуба «Путь в Дамаск» (1910): «редко, страшно редко открывается перед нами горестно-радостный путь в милый Дамаск» [Виноградов 1913, 20 сен.]. Популярный в Серебряном веке библейский мотив «пути в Дамаск» у Виноградова сужается до конкретной метафоры в конкретном рассказе Сологуба – обретения любви, способной противостоять жизненным страданиям и смерти. У самого же Сологуба этот мотив сложнее: в его контекстуальное поле попадают и религиозно-экстатические коннотации (ср. мотив пути в Дамаск в его стихотворении «Блаженство в жизни только раз...», 1908), и эротические («В Дамаск!», 1903, В. Брюсова), оттого уже первая строка

рассказа «Путь в Дамаск» задает нарастающее по мере развития сюжета напряжение: «От буйного распутства неистовой жизни к тихому союзу любви и смерти, – милый путь в Дамаск...» [Сологуб 1912: 151].

Но не всем героям Виноградова «путь в Дамаск» недоступен. В миниатюре «Две тени» самоубийца внезапно вспоминает о своей светлой мечте, а эпиграфом к миниатюре выступают строки того же Сологуба:

Жития моего не хочу,
Бытия моего не прерву,

До последней пройду все ступени [Виноградов 1913, 25 дек.].

Строки звучат лаконичным патетическим высказыванием, которое стало главной идеей большинства его миниатюр: осознание тяготы жизни и ее принятие через любовь (к Прекрасной Даме, к мечте, к чаемому будущему). Эту мысль Виноградов озвучивает в письме Сологубу 27 октября 1916 г. и самого мэтра символизма называет своим ориентиром и вдохновителем на своем «пути в Дамаск»¹.

Знакомство Виноградова с творчеством Сологуба, по его собственным словам, состоялось достаточно рано. В письме 1916 г. он писал: «С 1895 г., когда я прочитал первый Ваш рассказ “Тень” в “Северном вестнике”, я, 18-летний юноша, всей душой примкнул к тому литературному течению, которое всего ярче и полнее сказалось в Ваших произведениях» [Ед. хр. 136. Л. 1]. Тяготение Виноградова к символизму и символистской критике проявилось еще в 1912 г. в юбилейной статье «Морис Метерлинк» [Виноградов 1912, 15 авг.] и в обзоре альманаха «Жатва» с разбором поэзии В. Каменского [С. В. 1912]. К творчеству Сологуба до 1913 г. он обращался выборочно, хотя того требовал жанр библиографических обзоров, какие он вел на страницах «Пермских губернских ведомостей» в 1909–1910 гг. [Виноградов 1909]. В 1913–1914 гг. это не только обзоры [Виноградов 1914, 1 янв.], но и многочисленные цитаты в миниатюрах и публицистических статьях [Виноградов 1913], апелляция к Сологубу в разборе поэзии Баратынского [Виноградов 1914, 29 июн.], в споре с «лагерем реалистов» [Виноградов 1916]. Апофеозом этого

увлечения стала большая статья [С. В. 1916] о лекции Сологуба «Россия в мечтах и ожиданиях» 2 октября 1916 г. в Екатеринбурге² и последующая переписка с учителем.

Личное знакомство Виноградова с Сологубом произошло в антракте после выступления поэта в Екатеринбурге. О визите Виноградова в письме А. Н. Чеботаревской Сологуб писал: «Пришли два журналиста местных газет, один из них передал две свои прежние статьи обо мне, – оказалось, что это тот Виноградов, статьи которого в вырезках доходили к нам и произвели приятное впечатление» [Сологуб 1997: 360]. Об этих статьях Виноградов хлопотливо постскрипту осведомляется в письме, отделяя строкой от восторженных признаний: «Знакомы ли Вы с моими статьями о Ваших произведениях, какие были помещены мной в “Пермских ведомостях” за 1909–1911 гг.?» [Ед. хр. 136. Л. 1]. Письмо было отправлено им в ответ на письмо Сологуба, инициировавшего переписку, однако ни оно, ни ответ на сохранившееся письмо (если таковой был) – не известны. Письмо Виноградов отправил не из дома, а из редакции «Уральской жизни», как бы подчеркивая свою принадлежность к писательско-журналистской среде, а подписался, возможно, от волнения два раза: «Ваш Виноградов» и «С. В.».

Примечательно, что влияние Сологуба на художественное творчество и критическую мысль Виноградова проявляется довольно поздно и в то время, когда символистская школа уже утратила свою популярность. Однако на этот период приходится начало выпуска двадцатитомного собрания сочинений поэта и его первое лекционное турне по городам России. В кризисную для символизма эпоху поэт говорит о том, что только символическое искусство, обращенное ко всей мировой культуре, может быть современным. Лекции Сологуба собирают концертные залы в городах России и за рубежом. Понятно, что провинциальному журналисту выступить убежденным символистом в местной печати было гораздо легче на фоне активной

¹ Более подробный анализ прозы Виноградова и ее литературного контекста: [Маштакова 2021].

² Опубликованный текст лекции см.: [Сологуб 1915]. Подробнее о лекции, гастрольях, откликах прессы и указанной статье Виноградова: [Лавров 1997; Маштакова 2020].

литературной и просветительской деятельности своего кумира. И, окончательно встав на этот путь в 1913–1914 гг., Виноградов не меняет своих эстетических воззрений до конца жизни. Даже в 1918 г. в статье о футуризме он высказался по-декадентски радикально: «В сущности, между футуристами, утверждающими жизнь, всеми атомами души живущими на земле, и нами, бледными призраками скользящими по земле, – целая бездна» [Виноградов 1918].

Заметим, что литературные пристрастия Виноградова воспринимались читающей публикой достаточно провокационно и эпатажно. И. В. Козлов замечает, что выступивший на общем фоне ироничных и разгромных газетных статей о модернизме человек должен был быть достаточно смелым, не боявшимся быть непонятым и осуждаемым: «До выступлений Виноградова екатеринбургские газеты публиковали только насмешливые, ироничные и разгромные статьи о символистах и футуристах. <...> Складывается вполне парадоксальная ситуация: провинциальный критик отказывается от традиционной для провинциальной же “газетной” литературной практики, обращающей внимание, прежде всего, на сегодняшние “злобы дня”» [Козлов 2016: 366]. О том, что полемика в околотитулатурной городской среде была крайне острой, косвенно свидетельствует хранящийся в СОУНБ им. В. Г. Белинского экземпляр екатеринбургского ежемесячного журнала «Лесное эхо» за 1918 г., где рядом с миниатюрой Виноградова «Гой, что приходит ко всем» рукой читателя выведено (в дореволюционной орфографии): «Подлец, лгун и кривляка!» [Виноградов 1918]. Сам Виноградов жаловался в своем письме Сологубу: «Надо ли говорить, какие насмешки и издевательства пришлось мне вынести в медвежьей глуши от людей старых, мертвых слов» [Ед. хр. 136. Л. 1]. При этом и в литературных спорах, и в художественных произведениях он неизменно и стойчески следовал своим идеалам. Эту его оптимистическую черту еще в 1913 г. описала в своем стихотворении-посвящении Н. Кашталинская (Стенбок), чьи стихи Виноградов отмечал в своих библиографических обзорах [Виноградов 1913, 27 апр.; Виноградов 1913, 28 апр.]:

Привет тебе, кто ночью безысходной

Свой факел сохранил и с верой ждал
рассвет;

Кто зная водрузив на путь свободный
Нес гордо пламень свой – любви свя-
тый завет [Кашталинская 1913: 84].

Как бы то ни было, творчество Виноградова, хотя и забытое сегодня, было достаточно устойчиво востребовано читателем, о чем можно судить по количеству, стилевой и тематической однородности его публикаций 1910-х гг.

Одни из последних сведений о нем – воспоминания П. П. Бажова, записанные К. В. Боголюбовым: в 1920-е гг. публиковала свои корреспонденции в «Уральском рабочем» некая ткачиха Ленинской фабрики «тетя Маша», тот же Виноградов, переключившийся «с крылатого Эроса на производственную тематику» [Боголюбов 1951: 65], оставив за собой право на игру и мистификацию. Подтверждения этим сведениям, однако, найти не удалось, в номерах «Уральского рабочего» такой псевдоним не фигурирует. Возможно, сыграла роль аберрация памяти свидетелей литературной жизни тех лет, а возможно, упомянутые корреспонденции в печать выходили без авторства. Если считать достоверными записанные Боголюбовым слова Бажова, подходящей площадкой для «тети Маши» могла стать отдельная «Страничка работницы» «Уральского рабочего». Зачастую материалы в ней помечались фамилиями авторов: «Работница Н.», «Делегатка Н.». Смеем предположить, поскольку остросоциальная тематика всегда интересовала Виноградова, его рассуждения в авторской колонке «Аккорды жизни» для газеты «Уральская жизнь» могли перейти в заметки для «Уральского рабочего». Кроме того, в эти годы в газете велась (как правило, анонимно) рубрика «Театр и искусство» или «Театр и музыка», аналогичная той, в которую Виноградов писал для «Зауральского края» в 1910-е гг. Однако нехудожественный стиль и обзорный характер этих публикаций не дает оснований говорить о тождестве авторов этих рубрик. Если обратиться к поэтическому и критическому творчеству Виноградова, «красную поэзию» он не принимал, революцию и Гражданскую войну назвал адом, торжествующим «злую победу» [Козлов 2016: 390-393], и, разумеется, продолжать художествен-

ную деятельность в государственном издании не мог. Можно говорить, следовательно, о некоем «затворе» Виноградова-поэта и критика после Гражданской войны.

Итак, пиковый период творчества Виноградова пришелся на 1910-е гг., был недолгим, но плодотворным, стиливо и тематически, в целом однородным, эпигонским, по большому счету, но важным, ярким и своеобразным для литературной жизни Урала. Это один из немногих случаев смелого, самодостаточного, подкрепленного эрудицией высказывания писателя, поэта и критика-символиста, выросшего из леводемократического «ядра» газетной литературы. Его художественное творчество, оцененное современниками (тем же Сологубом, первым вступившим с ним в переписку), если и не стало частью «большой литературы», то, будучи показательно декадентским и в некоторых случаях намеренно неоригинальным, сыграло свою роль катализатора региональных дискуссий о литературе, а также выполнило медиаторские функции между провинциальным читателем и значимыми литературными событиями начала XX в. и стало частью той «почвы» [Козлов, Созина 2008: 28], на которой сформировались основные направления уральской литературы последующих десятилетий.

Приложение.

Письмо печатается по: РО ИРЛИ РАН. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 136. Л. 1.

С. В. Виноградов – Ф. Сологубу.

27 октября 1916 г.

Дорогой Федор Кузьмич!

Большую радость принесло мне Ваше неожиданное письмо, этот день был для меня настоящим праздником. Ваш привет – это награда за то, что в течение 20 лет пришлось мне вынести за служение светлой Мечте, за преклонение перед Вами, кто первый воздвиг для нее сияющий трон. С 1895 г., когда я прочитал первый Ваш рассказ «Тень» в «Северном вестнике», я, 18-летний юноша, всей душой примкнул к тому литературному течению, которое всего ярче и полнее сказалось в Ваших произведениях¹. Сознаюсь, что нелегко мне было

¹ В этом месте, очевидно, Виноградов несколько преувеличивает. Его первая публикация состоялась в 1898 г. и

все эти 20 лет: я был народным учителем, потом учителем городского училища², сотрудником провинциальных газет, – надо ли говорить, какие насмешки и издевательства пришлось мне вынести в медвежьей глуши от людей старых, мертвых слов³? Но награда за это теперь у меня все есть: наша встреча с Вами, Ваше письмо⁴, одобрение Ваше. Это служит теперь для меня единственной поддержкой. Я устал и кажусь себе рыцарем с обломком копья в руке. Оглядываюсь – одни лица врагов. Нет даже на руке шарфа Прекрасной Дамы, за которую я бился всю жизнь. Неужели же, когда я паду, не придет ко мне она, светлоликая, и не скажет: «Милый! Ты был прав, что шел дорогой бед»⁵. И вот я слышу издали Ваш привет, привет старшего победоносного рыцаря: «Она не придет... Но тверже держи обломок копья». Что же, осталось не так уж долго...

Простите, дорогой учитель, но я пере-

была посвящена ледниковому периоду в геологии (Виноградов С. Ледяная эпоха // Рудокоп. 1898. № 25, 18 октября). По крайней мере, до 1909 года в его обзорах и статьях не упоминалось имени Сологуба, не встречаются и свидетельства его интереса к декадентству.

² В статье «Настоящее и прошлое печати» Виноградов упоминает эпизод своего увольнения: «В 1898 году инспектор народных училищ (я был тогда скромным учителем), узнав о появлении в газете моей первой статьи <...> и заявил мне: – “Если еще будете писать, в 24 часа вас уволю”. И спустя некоторое время привел в исполнение свою угрозу». Цит. по: [Козлов 2016: 369].

³ Более всего критике Виноградова подвергался реализм и любые тенденции к реализму, основным своим оппонентом он видел А. Г. Туркина, челябинского журналиста и публициста. В журналистско-писательской уральской среде Виноградов был фигурой заметной и достаточно авторитетной, поэтому в письме Сологубу он, скорее всего, снова преувеличивает, но символизм, приверженцем которого он себя считал, действительно не имел большого числа поклонников.

⁴ Письмо Сологуба неизвестно.

⁵ Собираемый образ рыцаря, сражающегося за Прекрасную Даму или ожидающего и не дождавшегося ее, – характерный для поэтики символизма, в особенности младосимволизма. Также – распространенный образ жизни-дороги, приносящей страдания (ср. у Сологуба, «Где ты, прелесть несравненная...»): «Но скрывается прелестная, / Снова жизнь моя темна, / Снова вокруг толпа бесчестная, / И моя дорога тесная / Утомительна, грязна», также, например, в романтизме: «Зачем он шел долиной чудной слез...» у К. Батюшкова и др.

живаю вновь тяжелые дни: похороны, пожалуй, уже последней мечты, которую, думалось мне, отыскаю я живой.

Спасибо за все, что Вы дали мне. Горячий привет Вашей супруге¹, которую я так же высоко ценю, как и Вас.

Ваш Виноградов.

Р.С. Знакомы ли Вы с моими статьями о Ваших произведениях, какие были помещены мной в «Пермских ведомостях» за

¹ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1877–1921) – писательница, переводчица, жена, муза и соавтор некоторых статей Ф. Сологуба.

1909–1911 гг.^{2?}

Я же, к глубокому моему сожалению, кое-чего из написанного Вами не читал. Особенно жаль, что я упустил многие стихотворения. В провинции трудно достать книги. Но, кажется, скоро выйдет полное собрание Ваших сочинений?³

С. В.

² Газета «Пермские губернские ведомости», где Виноградов вел колонку «Около литературы». Имеются в виду его обзорные статьи с упоминаниями произведений Сологуба: [Виноградов 1909; 1910].

³ Вероятно, Виноградов надеялся на завершение издания 20-томного собрания сочинений Ф. Сологуба в издательстве «Сирия» (1913–1914), не все тома из которого увидели в свет.

Литература

А. Т. Нарядные / А. Т. // Голос Приуралья. – 1916. – № 29. – 7 февраля.

Абашев, В. В. Апология провинции в литературной критике 1910-х годов (пермский журналист Чубин-Черномор) / В. В. Абашев // Проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – начала XX века. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. – С. 178-185.

Боголюбов, К. Наш Бажов / К. Боголюбов // Южный Урал. – 1951. – № 5. – С. 51-74.

Бодлер, Ш. Цветы зла / Ш. Бодлер ; пер. П. Якубовича-Мельшина. – СПб. : Т-во «Обществ. Польза», 1909. – 252 с.

Васильев, И. Е. Проблема периодизации литературы Урала XX века (материалы к предисловию для третьего тома «Истории литератур Урала») / И. Е. Васильев, М. А. Литовская // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 6. / под ред. Е. К. Созиной. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 25-38.

Виноградов, С. Аккорды жизни / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1912. – № 258. – 13 ноября.

Виноградов, С. Аккорды жизни / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1912. – № 282. – 19 декабря.

Виноградов, С. Аккорды жизни / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1913. – № 209. – 20 сентября.

Виноградов, С. Аккорды жизни / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1913. – № 237. – 25 октября.

Виноградов, С. Белые цветы / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1912. – № 100. – 5 мая.

Виноградов, С. В Пасхальную ночь / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1912. – № 67. – 25 марта.

Виноградов, С. Вересаев / С. Виноградов // Урал. – 1905. – № 2352. – 14 июля.

Виноградов, С. Две тени / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1913. – № 87. – 25 декабря.

Виноградов, С. Литература и поэзия в 1913 году / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1914. – № 1. – 1 января.

Виноградов, С. Литературные штрихи / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1913. – № 93. – 27 апреля.

Виноградов, С. Литературные штрихи / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1916. – № 107. – 15 мая.

Виноградов, С. Молодая поэтесса / С. Виноградов // Сибирская торговая газета. – 1913. – № 118. – 28 апреля.

Виноградов, С. Морис Метерлинк / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1912. – № 182. – 15 августа.

Виноградов, С. Мысли о футуризме / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1918. – № 229. – 8 декабря.

Виноградов, С. Новое счастье / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1913. – № 87. – 25 декабря.

Виноградов, С. Около литературы / С. Виноградов // Пермские губернские ведомости. – 1909. – № 240. – 10 ноября; 1910. – № 148. – 10 июля; № 160. – 25 июля; № 203. – 19 сентября.

Виноградов, С. Поэзия печали / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1914. – № 143. – 29 июня.

Виноградов, С. Рождественские огни / С. Виноградов // Уральская жизнь. – 1912. – № 287. – 25 декабря.

Виноградов, С. Той, что приходит ко всем / С. Виноградов // Лесное эхо. – 1918. – № 2. – С. 14.

Власова, Е. Г. «Газетная» литература конца XIX – начала XX в. (по материалам «Пермских губернских ведомостей») / Е. Г. Власова // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг. / под ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – С. 54-63.

- Воложанин, В. Модернизм и сибирские поэты / В. Воложанин // Утро Сибири. – 1912. – № 140. – 24 июня.
- Голдин, В. Н. Виноградов Сергей Васильевич / В. Н. Голдин, Н. С. Журавлева // Екатеринбург литературный : энциклопедический словарь / ред. коллегия: В. А. Блинов, Е. К. Созина Л. П. Быков [и др.]. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – С. 84-85.
- Зырянов, О. В. Ситуация любви к мертвой возлюбленной в русской поэтической традиции / О. В. Зырянов // Известия Уральского государственного университета. – 2000. – № 17. – С. 57-74.
- Каменский, В. Его-моя биография великого футуриста / В. Каменский. – М. : Китоврас (Тип. Т. Ф. Дортман), 1918. – 228 с.
- Карташова, Т. П. «На магистрали», или Развитие журналистики Новониколаевска в начале XX в. / Т. П. Карташова // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И. А. Айзиковой. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. – С. 178-193.
- Кашталинская, Н. Привет / Н. Кашталинская // Любовь и смерть. – СПб. : Труд, 1913. – С. 84.
- Козлов, И. В. С. В. Виноградов – литературный критик / И. В. Козлов // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг. / под ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой. – Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. – С. 363-394.
- Козлов, И. В. Литература рубежа XIX–XX веков (Серебряный век). Основные события культурной и общественной жизни на Урале / И. В. Козлов, Е. К. Созина // Литературная жизнь Урала XX века: литературоведческая концепция музейной экспозиции. – Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала ; УрО РАН ; Изд-во Урал. ун-та, 2008. – С. 15-28.
- Лавров, А. В. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская. Вступительная статья / А. В. Лавров // Неизданный Федор Сологуб / под ред. М. М. Павловой, А. В. Лаврова. – М. : Новое литературное обозрение, 1997. – С. 290-302.
- Масальцева, Т. Н. Литературная критика газеты «Пермские губернские ведомости» (1890–1917 годы) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Масальцева Т. Н. – Пермь : [б. и.], 2006.
- Маштакова, Л. В. Декадент в «медвежьей глуши» Урала: литературный контекст прозаических миниатюр С. В. Виноградова / Л. В. Маштакова // Текст и контекст: литературно-культурные связи : монография / под ред. Н. В. Константиновой. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2021. – С. 22-35.
- Маштакова, Л. В. Лекция Федора Сологуба «Россия в мечтах и ожиданиях» на Урале (1916): по материалам архивов и региональной прессы / Л. В. Маштакова // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 22, № 3 (200). – С. 144-157.
- Нина Иванова. Красные ландыши / Н. Иванова // Уральская жизнь. – 1914. – № 11. – 15 января; 1914. – № 15. – 19 января.
- Нина Иванова. Она пришла / Н. Иванова // Уральская жизнь. – 1914. – № 77. – 18 апреля.
- Пумпянский, Л. В. Группа «таинственных повестей» / Л. В. Пумпянский // И. С. Тургенев. Сочинения. Т. 8. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. – С. 3-18.
- РО ИРЛИ РАН. – Ф. 289. – Оп. 3. – Ед. хр. 136, 884.
- С. В. Библиография / С. В. // Уральская жизнь. – 1912. – № 259. – 20 ноября.
- С. В. В. Вересаев (к 50-летию рождения) / С. В. // Уральская жизнь. – 1917. – № 6. – 8 января.
- С. В. Лекция Ф. Сологуба / С. В. // Уральская жизнь. – 1916. – № 221. – 5 октября.
- Сологуб, Ф. Письма к Анастасии Чеботаревской / Ф. Сологуб ; публикация А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб / под ред. М. М. Павловой, А. В. Лаврова. – М. : НЛЮ, 1997. – С. 303-370.
- Сологуб, Ф. Путь в Дамаск / Ф. Сологуб // Сологуб Ф. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12. – СПб. : Шиповник, 1912. – С. 147-165.
- Сологуб, Ф. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 12 / Ф. Сологуб. – СПб. : Шиповник, 1912. – 241 с.
- Сологуб, Ф. Россия в мечтах и ожиданиях / Ф. Сологуб // Вечерний курьер. – 1915. – № 434. – 8 ноября.
- Фельдман, Д. З. Прекрасная еврейка в России XVII–XIX веков: образы и реальность. Статьи и документы / Д. З. Фельдман, О. Ю. Минкина, А. Ю. Кононова. – М. : Древлехранилище, 2008. – 144 с.
- Ханзен-Леве, А. Русский Символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм / А. Ханзен-Леве. – СПб. : Академический проект, 1999. – 512 с.

References:

- A. T. (1916). Naryadnye [Elegant People]. In *Golos Priural'ya*. No. 29. 7 Feb.
- Abashev, V. V. (2013). Apologiya provintsii v literaturnoi kritike 1910-kh godov (permskii zhurnalists Chubin-Chernomor) [Apology of the Province in Literary Criticism of the 1910s (Perm Journalist Chubin-Chernomor)]. In *Problemy regional'noi identichnosti i periodicheskaya pechat' XIX – nachala XX veka*. Perm, Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, pp. 178-185.
- Baudelaire, S. (1909). *Tsvety zla* [The Flowers of Evil] / transl. by P. Yakubovich-Mel'shin. Saint Petersburg, Tovarishchestvo «Obshchestvennaya Pol'za». 252 p.

- Bogolyubov, K. (1951). Nash Bazhov [Our Bazhov]. In *Yuzhnyi Ural*. No. 5, pp. 51-74.
- Fel'dman, D. Z., Minkina, O. Yu., Kononova, A. Yu. (2008). *Prekrasnaya evreika v Rossii XVII–XIX vekov: obrazy i real'nost'. Stat'i i dokumenty* [A Beautiful Jewish Woman in Russia in 17–19 Centure: Images and Reality]. Moscow, Drevlekhranilishche. 144 p.
- Goldin, V. N., Zhuravleva, N. S. (2016). Vinogradov Sergei Vasil'evich [Sergey V. Vinogradov]. In Blinov, V. A., Sozina, E. K., Bykov, L. P. et al. (Eds.). *Ekaterinburg literaturnyi: entsiklopedicheskii slovar'*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 84–85.
- Hanzen-Lowe, A. (1999). *Russkii Simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motives. Early Symbolism]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt. 512 p.
- Ivanova, N. (1914). Krasnye landyshy [The Red Lilies of the Valley]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 11. 15 Jan.; No. 15. 19 Jan.
- Ivanova, N. (1914). Ona prishla [She's Come]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 77. 18 Apr.
- Kamensky, V. (1918). *Ego-moya biografiya velikogo futurista* [His-My Autobiography of the Great Futurist]. Moscow, Kitovras. 228 p.
- Kartashova, T. P. (2019). «Na magistrali», ili Razvitie zhurnalistiki Novonikolaevska v nachale XX v. [On the Highway, or Journalism Development in Novonikolaevsk in the Beginning of 20th Century]. In Aizikova, I. A. (Ed.). *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiiskom i evropeiskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)*. Tomsk, Izdatel'skii Dom TGU, pp. 178-193.
- Kashtalinskaya, N. (1913). Privet [Hello]. In *Lyubov' i smert'*. Saint Petersburg, Trud, p. 84.
- Kozlov, I. V. (2016). S. V. Vinogradov – literaturnyi kritik [Sergey V. Vinogradov as a Literary Critic]. In Sozina, E. K., Snigireva, T. A. (Eds.). *Literaturnyi protsess v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-s*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 363-394.
- Kozlov, I. V., Sozina, E. K. (2008). Literatura rubezha XIX–XX vekov (Serebryanyi vek). Osnovnye sobytiya kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni na Urale [Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Silver Age): The Main Events in the Urals]. In *Literaturnaya zhizn' Urala XX veka: literaturovedcheskaya kontseptsiya muzeinoi ekspozitsii*. Ekaterinburg, Ob'edinennii muzei pisatelei Urala, UrO RAN, Izdatelstvo Ural'skogo universiteta, pp. 15-28.
- Lavrov, A. V. (1997). Fedor Sologub i Anastasiya Chebotarevskaya. Vstupitel'naya stat'ya [Fyodor Sologub and Anastasya Chebotarevskaya. Introduction]. In Pavlova, M. M., Lavrov, A. V. (Eds.). *Neizdannyy Fedor Sologub*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 290-302.
- Masaltseva, T. N. (2006). *Literaturnaya kritika gazety «Permskie gubernskie vedomosti» (1890–1917-s)* [Section of Literary Criticism in the Newspaper Permskie Gubernskie Vedomosti]. Dis. ... kand. filol. nauk. Perm.
- Mashtakova, L. V. (2020). Lektsiya Fedora Sologuba «Rossiya v mechtakh i ozhidaniyakh» na Urale (1916) [Fyodor Sologub with Lecture Russia in the Dreams and Expectations in the Urals]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. Vol. 22. No. 3 (200), pp. 144-157.
- Mashtakova, L. V. (2021). Dekadent v «medvezh'ei glushi» Urala: literaturnyi kontekst prozaicheskikh miniatyur S. V. Vinogradova [A Decadent in the “Bear” Wilderness of the Urals: The Literary Context of Vinogradov's Prose Miniatures]. In Konstantinova, N. V. (Ed.). *Tekst i kontekst: literaturno-kul'turnye svyazi*. Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU, pp. 22-35.
- Pumpyansky, L. V. (1929). Gruppya «tainstvennykh povestei» [The Group of “Mysterious Stories”]. In Turge-nev, I. S. *Sochineniya, in 12 vols*. Vol. 8. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 3-18.
- RO IRLI RAN [Manuscript Department of the Pushkin House]. Stock 289. List 3. Dos. 136, 884.
- S. V. (1912). Bibliografiya [Bibliography]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 259. 20 Nov.
- S. V. (1916). Lektsiya F. Sologuba [F. Sologub Lecture]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 221. 5 Okt.
- S. V. (1917). V. Veresaev [V. Veresaev]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 6. 8 Jan.
- Sologub, F. (1912). Put' v Damask [Way to Damascus]. In Sologub F. *Sobranie sochinenii: v 12 t*. Vol. 12. Saint Petersburg, Shipovnik, pp. 147-165.
- Sologub, F. (1912). *Sobranie sochinenii: v 12 t*. [Collection of Works, in 12 vols]. Vol. 12. Saint Petersburg, Shipovnik. 241 p.
- Sologub, F. (1997). Pis'ma k Anastasii Chebotarevskoi [Letters to Anastasya Chebotarevskaya] / ed. by A. V. Larov. In Pavlova, M. M., Lavrov, A. V. (Eds.). *Neizdannyy Fedor Sologub*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 303-370.
- Sologub, F. (1915). Rossiya v mechtakh i ozhidaniyakh [Russia in the Dreams and Expectations]. In *Vechernii kur'er*. No. 434. 8 Nov.
- Vasil'ev, I. E., Litovskaya, M. A. (2011). Problema periodizatsii literatury Urala XX veka [Periodization Problem in the Urals Literature of 20th Century]. In Sozina, E. K. (Ed.). *Literatura Urala: istoriya i sovremennost'*. Issue 6. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 25-38.
- Vinogradov, S. (1905). Veresaev [Veresaev]. In *Ural*. No. 2352. 14 Jul.
- Vinogradov, S. (1909, 1910). Okolo literatury [Near the Literature]. In *Permskie gubernskie vedomosti*. No. 240. 10 Nov; No. 148. 10 Jul; No. 160. 25 Jul; No. 203. 19 Sep.

- Vinogradov, S. (1912). Akkordy zhizni [Accords of a Life]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 258. 13 Nov.
 Vinogradov, S. (1912). Akkordy zhizni [Accords of a Life]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 282. 19 Dec.
 Vinogradov, S. (1912). Belye tsvety [The White Flowers]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 100. 5 May.
 Vinogradov, S. (1912). Moris Meterlink [Maurice Maeterlinck]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 182. 15 Aug.
 Vinogradov, S. (1912). Rozhdestvenskie ogni [The Christmas Lights]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 287. 25 Dec.
 Vinogradov, S. (1912). V Paskhal'nuyu noch' [On Easter Night]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 67. 25 Mar.
 Vinogradov, S. (1913). Akkordy zhizni [Accords of a Life]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 209. 20 Sept.
 Vinogradov, S. (1913). Akkordy zhizni [Accords of a Life]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 237. 25 Oct.
 Vinogradov, S. (1913). Dve teni [Two Shadows]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 87. 25 Dec.
 Vinogradov, S. (1913). Literaturnye shtrikhi [The Literary Hatches]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 93. 27 Apr.
 Vinogradov, S. (1913). Molodaya poetessa [The Young Poet]. In *Sibirskaya torgovaya gazeta*. No. 118. 28 Apr.
 Vinogradov, S. (1913). Novoe shchast'e [The New Happiness]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 87. 25 Dec.
 Vinogradov, S. (1914). Literatura i poeziya v 1913 godu [Literary and Poetry in 1913]. In *Ural'skaya zhizn'*.

No. 1. 1 Jan.

- Vinogradov, S. (1914). Poeziya pechali [The Sorrow Poetry]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 143. 29 Jun.
 Vinogradov, S. (1916). Literaturnye shtrikhi [The Literary Hatches]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 107. 15 May.
 Vinogradov, S. (1918). Mysli o futurizme [The Thoughts about Futurism]. In *Ural'skaya zhizn'*. No. 229. 8 Dec.
 Vinogradov, S. (1918). Toi, chto prikhodit ko vsem [To Her Who Comes to Everyone]. In *Lesnoe ekho*. No. 2, p. 14.
 Vlasova, E. G. (2016). «Gazetnaya» literatura kontsa XIX – nachala XX v. [Newspaper Literature of the Late 19th – Early 20th Century]. In Sozina, E. K., Snigireva, T. A. (Eds.). *Literaturnyi protsess v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg.* Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, pp. 54–63.
 Volozhanin, V. (1912). Modernizm i sibirskie poety [Modernism and Siberian poets]. In *Utro Sibiri* [. No. 140. 24 Jun.
 Zyryanov, O. V. (2000). Situatsiya lyubvi k mertvoi vozlyublennoi v russkoi poeticheskoi traditsii [The Situation of Love for a Dead Beloved in the Russian Poetic Tradition]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 17, pp. 57–74.

Данные об авторе

Маштакова Любовь Владиславовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных гуманитарных исследований, Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620990, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: lika170288@mail.ru.

Author's information

Mashtakova, Liubov Vladislavovna – Candidate of Philology, Research Fellow of Laboratory for Interdisciplinary Research in the Humanities, Institute of History and Archaeology UB RAS (Ekaterinburg, Russia).

Дата поступления: 18.03.2021; дата публикации: 30.03.2022

Date of receipt: 18.03.2021; date of publication: 30.03.2022